

НАУЧНЫЕ КОММУНИКАЦИИ / SCIENTIFIC COMMUNICATIONS

Краткое сообщение / Brief Communication

<https://doi.org/10.24069/SEP-25-33>**Наука и научная периодика в творческом вузе:
основные аспекты***Т.И. Науменко *Российская академия музыки имени Гнесиных, г. Москва, Российская Федерация* t.naumenko@gnesin-academy.ru

Резюме. В статье представлен анализ научной деятельности в музыкальных вузах России, охватывающий различные этапы развития музыковедческой науки. Исследование фокусируется как на положении музыковедения в структуре творческого вуза, так и на особенностях его постепенного вхождения в общенаучное пространство, что в разные десятилетия XX в. происходило через различные формы интеграции. Одна из таких форм – диссертационная деятельность музыковедов, берущая начало в 1930-е гг. Именно благодаря диссертационной практике музыковедение совершило методологический прорыв, став одной из самых авторитетных областей гуманитарного знания. Еще одной формой выхода в более широкое пространство гуманитаристики стало участие музыковедов в грантовых программах Российского гуманитарного научного фонда и Российского фонда фундаментальных исследований. Несколько десятков поддержанных проектов отражают состояние консерваторской науки на протяжении почти трех десятилетий: с 1994 до 2022 г. Международная публикационная активность музыковедов рассматривается через призму издания и развития высокорейтинговых журналов, индексируемых в Web of Science и Scopus. На примере Российской академии музыки имени Гнесиных анализируется потенциал музыковедения в рамках принципиально новой концепции его дальнейшего развития.

Ключевые слова: музыковедение, консерваторская наука, музыковедческие исследования, научная периодика, диссертации, Российская академия музыки имени Гнесиных

Для цитирования: Науменко Т.И. Наука и научная периодика в творческом вузе: основные аспекты. *Научный редактор и издатель.* 2025;10(1):169–176. <https://doi.org/10.24069/SEP-25-33>

**Scholarship and scholarly periodicals
in an artistic higher educational institution:
The basic aspects**Т.И. Науменко *Gnesin Russian Academy of Music, Moscow, Russian Federation* t.naumenko@gnesin-academy.ru

Abstract. The article presents an analysis of scholarly activities in musical higher educational institutions, spanning various different stages of development of the discipline of musicology. The research is focused on both the position of musicology in the structure of the artistic higher educational institution and on the peculiarities of its gradual incorporation into the general scholarly space, which in the various decades of the 20th century took place through various forms of integration. One such form is the musicologists' dissertational activities, which took its beginnings in the 1930s. Particularly because of the practice of

* Статья написана по материалам доклада, представленного на 13-й Международной научно-практической конференции «Научное издание международного уровня – 2025: тенденции развития», которая прошла 20–23 мая 2025 г. в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС) (г. Москва).

dissertation writing, musicology has made a breakthrough in its methodology, having become one of the most authoritative spheres of humanitarian knowledge. Another form of an outlet into a broader space of the humanitarian sphere turned out to be the musicologists' participation in the grant programs: the Russian Humanitarian Scholarly Fund and the Russian Fund for Fundamental Research. Several dozens of supported projects present a representative perspective of the state of the conservatory-based discipline during the course of almost three decades: from 1994 until 2022. Along with this, the development of the international publishing activities through the publication of top-rated journals, indexed in Web of Science and Scopus are examined in this article. On the example of the Gnesin Russian Academy of Music – the sole musical higher educational institution that entered the “Priority 2030” program, – the opportunities of musicology as a part of a fundamentally new conception of its further development are analyzed.

Keywords: musicology, conservatory scholarship, musicological research, scientific periodicals, dissertations, Gnesin Russian Academy of Music

For citation: Naumenko T. I. Scholarship and scholarly periodicals in an artistic higher educational institution: The basic aspects. *Science Editor and Publisher*. 2025;10(1):169–176. <https://doi.org/10.24069/SEP-25-33>

ВВЕДЕНИЕ

Предмет данной статьи – наука о музыкальном искусстве, то есть музыковедение, сквозь призму которого затронуты вопросы, связанные с научными периодическими изданиями международного уровня. Можно предположить, что проблемы, актуальные для музыковедения в контексте создания и поддержки подобных изданий, в той или иной степени характерны и для других научных дисциплин. Однако некоторые отличия музыковедения от большинства наук все же имеются. Прежде всего музыкальная наука в глазах представителей «серьезных» научных специальностей не может претендовать на безоговорочный авторитет хотя бы в силу некоторой закрытости самого предмета. Известна фраза, сказанная еще в советские времена в связи с обсуждением претендентов на получение Сталинской премии: «Музыка – самое темное дело»¹. И хотя с тех пор многое изменилось, музыковедение по-прежнему остается на периферии научного поля. Оно не входит ни в систему академических институтов, ни в структуру университетов. С первых послереволюционных лет и до настоящего времени его основной институциональной базой остаются консерватории [1–3].

Тем не менее в музыковедении, как и в других науках, в последнее десятилетие наметилось очевидное стремление преодолеть прежнюю замкнутость и выйти как в междисциплинарное, так и в международное научное пространство. Начались процессы, которые внушили надежду на изменение ситуации в лучшую сторону. В основном они связаны с усилиями самого музыковедческого сообщества – часть из них увенчалась достаточно заметными результатами, в числе ко-

торых следует назвать появление журналов международного уровня и, что еще важнее, осознание ценности таких журналов. Все это стимулировало процессы обновления тематики музыковедческих исследований [4; 5], изучение зарубежных архивов, зарубежной периодики, выступления на конференциях в зарубежных университетах, издание книг на иностранных языках и т.д.

Несмотря на наличие отдельных прорывных проектов, структурные барьеры сохраняются. Речь идет не только о языковом факторе, но и о более глубокой институциональной изоляции, отсутствии культуры регулярного рецензирования, неразвитости механизмов научной дистрибуции. На этом фоне особый интерес представляет опыт Российской академии музыки имени Гнесиных (РАМ им. Гнесиных) – единственного музыкального вуза, включенного в национальную программу «Приоритет 2030» и сумевшего создать устойчивую модель международного научного присутствия благодаря развитию собственной академической периодики.

ОСНОВНОЙ РАЗДЕЛ

Российское музыковедение: специфика и проблемы

Еще 10 лет назад профессор американского университета Джона Хопкинса и наш бывший соотечественник Ильдар Ханнанов положение российской науки охарактеризовал достаточно категорично. Выступая на одной из конференций в Московской консерватории, он прямо заявил: «Русского музыковедения на Западе не существует» [6, с. 38]. Ханнанов имел в виду широкое исполнение на Западе произведений русской музыки, для которой словесный контекст производят не русские, а западные музыковеды. Не будем

¹ Двоскина Е.М. Восьмая симфония Шостаковича и Сталинская премия. *Музыкальная академия*. 2008;(2):88–94.

вдаваться в полемику с этим утверждением, при этом согласившись, что в той или иной степени эта проблема существует.

Примечательно, что в музыковедении попытки решения проблемы изначально не были связаны с журналами. Первым шагом стало налаживание контактов с коллегами из восточноевропейских стран, испытывающих похожие проблемы. Иными словами, началось сближение научных кафедр как основных мест производства научного знания, и поначалу казалось, что этот путь по традиции проходит через консерватории. Именно здесь, в рамках международных форумов и конгрессов, началось осмысление выдающихся русских и восточноевропейских музыковедческих теорий с точки зрения их положения в мире. При этом публикационная активность российских музыковедов за пределами отечественной научной периодики оставалась крайне низкой, а преодоление сложившейся ситуации даже не планировалось. К сожалению, как и в некоторых других науках, мы сделали выводы об образовавшейся за долгие десятилетия культурной дистанции, а в некоторых случаях даже и о «мировой безвестности». И поскольку мы работаем со словами и текстами, перед нами во весь рост встали проблемы терминологии, то есть соотношения ключевых дефиниций в русскоязычной и англоязычной науке. Все это привело к необходимости заниматься не только «внутренним музыковедением», но и поиском точек сближения между отечественными и западными музыкально-теоретическими концепциями [7; 8].

Прежде всего встал вопрос о тематических приоритетах. Российское музыковедение охватывает огромный содержательный диапазон: от скромного анализа музыкального произведения до обширных трудов, на подготовку которых уходят долгие годы и немалые исследовательские силы. В самом крупном плане тематику современных отечественных исследований (после 1991 г.) можно разделить на три большие группы: первую образует русская музыка различных эпох, вторую – музыка зарубежная, третья группа обращена к проблематике музыкального исполнительства, педагогики и некоторых узкоспециальных вопросов.

Приведем примеры масштабных проектов, чтобы более отчетливо представить специфику музыковедения. Это, например, такие многотомные продолжающиеся исследования, как «Всеобщая история музыки», включающая музыкальные культуры Запада и Востока; «История русской музыки»; «Русская духовная музыка в документах и материалах»; «Античное и византийское музыкознание», а также многочисленные музыкаль-

но-этнографические сборники, в которых сегодня фиксируются исчезающие памятники традиционной культуры. Следует назвать и такие виды исследований, как подготовка академического полного собрания сочинений русских композиторов, например П.И. Чайковского в 120 томах или М.П. Мусоргского в 33 томах, включая несколько авторских редакций его опер.

Некоторые из этих изданий приносят стране немалые доходы. Пока русскими музыковедами не была осуществлена реставрация и текстологическая подготовка авторской редакции оперы Мусоргского «Борис Годунов», Россия в течение многих лет была вынуждена платить огромные деньги библиотеке Оксфордского университета за каждую постановку в театрах страны, так как полную оригинальную партитуру оперы до этого подготовил и издал британский музыковед Дэвид Ллойд-Джонс². Такая же история постигла произведения и некоторых других русских композиторов.

Стоит коснуться и проблемы, связанной с немногочисленностью музыковедческих исследований. На фоне многих университетских специальностей музыковедение действительно проигрывает в количественном отношении, однако не так радикально, как может показаться. Если обратиться к данным «Большой советской энциклопедии» 1956 г., то можно обнаружить, что в тот период музыковедение было одной из самых скромных наук, по количеству исследований занимающих последние строчки в списке научных дисциплин. В те годы ему уступали в количественном отношении только архитектура и военно-морское дело. Однако такое положение сохранялось недолго – уже в 1960-е гг. в связи с увеличением числа музыковедческих исследований оно стало резко меняться.

В связи с этим следует отметить некоторые значимые вехи на пути институционализации российской музыкальной науки, к которым безусловно относится и создание журналов международного уровня. Возможно, это позволит лучше понять громадное значение таких журналов в современной академической практике.

Этапы развития российской музыкальной науки

Первый период развития музыкальной науки в России науковеды связывают с последними предреволюционными десятилетиями, то есть с этапом, который получил название Серебряного века. Тогда в стране открывались новые институты

² Защищая последние рубежи. О визите министра культуры Мединского в Государственный институт искусствознания. *Татьянин день*. 14.12.2012. Режим доступа: <https://archive.today.ru/text/1950341.html> (дата обращения: 11.05.2025).

и лаборатории, организовывались профессиональные научные общества, бурно развивалась практика стажировок ученых в ведущих научных центрах мира. На этот же период приходится и расцвет русской научной периодики. Не будем останавливаться на этих фактах, уже достаточно отдаленных по времени, отметим лишь, что с некоторым перерывом на годы революции, Гражданской войны и послевоенной разрухи рост музыкальной науки продолжался вплоть до конца 1920-х гг. [9].

Крупнейшим этапом в развитии науки позднесоветских десятилетий стал расцвет диссертационной деятельности. В начале 1960-х гг. были введены номенклатура и шифры научных специальностей. С этим связаны регламентация и унификация научных исследований в соответствии с едиными требованиями к диссертационным работам. Удивительным образом на музыковедение это произвело весьма стимулирующее воздействие. Вероятно, к тому времени оно нуждалось в некотором ужесточении формальных требований: привыкнув иметь дело с художественными фактами и их интерпретациями, оно стало грешить избыточностью зыбких метафорических описаний. Следствием диссертационного всплеска стало резкое увеличение продуктивности музыковедческих исследований, как будто раньше им не хватало именно этих дисциплинирующих критериев, касающихся общего подхода к научному тексту: композиции работы, четкости формулировок, терминологической однозначности и культуры оформления научных источников. Также была актуализирована необходимость введения в список литературы зарубежных научных изданий, в том числе периодических, что способствовало постепенному развороту в сторону мирового научного знания.

Период 60–70-х гг. XX в. стал началом разработки новых тематических направлений, до того времени практически не затронутых. Отечественный и западный авангард, неевропейские музыкальные культуры, музыкально-теоретические проблемы, гармония XX в., теория ритма – каждое из этих направлений несло свои открытия как в области исследовательского инструментария, так и в области новых имен³. Были написаны десятки монографий: жажда нового знания была настолько велика, что многие из них тут же становились библиографической редкостью.

³ Каталог исследований указанного периода опубликован в следующих работах: Науменко Т.И. Текстология музыкальной науки. М.: Памятники исторической мысли; 2013. С. 327–347; Науменко Т.И. Направления музыкальной науки в России: на материале диссертаций 1930–2000-х годов. Журнал Общества теории музыки. 2016;(4):7–17.

Российское музыковедение на современном этапе

Очень быстро музыковедение стало одной из наиболее представительных областей гуманитарного знания. Эти позиции сохраняются и до настоящего времени. По количеству исследований музыковедение сопоставимо не с другими видами искусствознания, а, согласно статистике Высшей аттестационной комиссии (ВАК), скорее, с филологическими науками. Например, после введения в 2021 г. нового шифра ВАК 5.10.3 «Виды искусства» по всем шести направлениям этой специальности было представлено в общей сложности 166 диссертаций, из которых 71 принадлежит музыковедам. Для сравнения: в литературоведении за тот же период было защищено 90 диссертаций. При этом филологические факультеты, как известно, есть в каждом университете и каждом педагогическом институте. Согласно официальным данным, только лучших филологических факультетов насчитывается не менее 200. А музыковедческие факультеты имеются только в музыкальных вузах, которых в нашей стране всего десять: девять в консерваториях и один в Российской академии музыки имени Гнесиных. Таким образом, десять факультетов музыковедческого профиля обеспечивают подготовку двух третей от общего количества диссертационных исследований, выполняемых на двухстах филологических факультетах.

Аналогичная статистика была характерна и для проектов, с 1994 г. поддерживаемых Российским гуманитарным научным фондом (РГНФ), а затем Российским фондом фундаментальных исследований (РФФИ). Грантовая поддержка и сопутствующий ей особый характер научно-экспертной работы, требующий соблюдения определенных правил, также были в числе факторов, способствующих интеграции музыковедения в современный научный академический контекст. Период с 1994 до 2016 г. можно назвать лучшим для искусствоведческих наук: благодаря финансовой поддержке ежегодно выпускались сотни новых монографий, проводились масштабные международные конференции.

Непрерывно растущее число публикаций обусловило еще одно начинание, связанное с вхождением Российской академии музыки имени Гнесиных в программу «Приоритет 2030». Нами была задумана концепция Научной карты России – Карты музыкальной науки⁴, задачей которой ста-

⁴ В перспективе эта информационная онлайн-система национального масштаба образует сводную базу данных исследований всех российских консерваторий, которая позволит увидеть приоритетные научные направления каждого региона. Подобный опыт в нашей стране не имеет precedентов.

ло формирование наиболее полных тематических каталогов по музыковедению [10].

В зарубежном музыкознании похожий опыт есть, хотя и не настолько масштабный. Например, в ноябре 1955 г. американским Обществом этномузыкологии, созданным на базе университета штата Индиана, основано научное издание, которое стало регулярно пополнять библиографию, дискографию, фильмографию и видеографию музыкальной фольклористики. Одновременно была сформирована уникальная коллекция диссертаций, собранная из университетов всего мира. Распространение новейших данных способствовало открытию этномузыкологических отделений в целом ряде американских университетов и созданию исследовательской базы для изучения фольклора народов мира. За несколько десятилетий масштаб и технологическая оснащенность науки стали совершенно иными. Этот вдохновляющий пример позволяет надеяться, что подобные инициативы в той или иной форме возможны и у нас.

Научная периодика в российском музыковедении

В определенной степени можно утверждать, что и в России разворот к научной периодике был обусловлен, в частности, и диссертационной деятельностью, и практикой научных фондов, требующих включать в заявки и годовые отчеты обязательные публикации в международных научных изданиях. Требование соответствия исследованиям мирового уровня было включено в экспертные анкеты научных фондов на рубеже 1990–2000-х гг., тогда как анализ научной литературы в соответствующих разделах диссертаций стал обязательным еще раньше. Неудивительно, что это встречало определенное сопротивление со стороны как маститых, так и молодых ученых, которым казались вполне достаточными имеющиеся фонды русскоязычной научной литературы, к тому времени уже приобретшие большие объемы.

Абсолютное преобладание русскоязычной научной литературы в отечественном научном обиходе стало одним из следствий развития советской науки в целом. Стране, в которой в первые послевоенные десятилетия острейшим образом стояла проблема ликвидации безграмотности, долгое время было не до зарубежной научной литературы. Именно с этими причинами, а не только с идеологическими ограничениями, как часто принято думать, связывались требования к ученым до революционной формации прекращать публиковаться в зарубежных научных журналах, в те годы преимущественно немецких и французских. Новое

поколение исследователей, не знавшее иностранных языков, остро нуждалось в отечественных научных материалах. Теперь в это трудно поверить, но переориентация академического сообщества на русскоязычную научную периодику проходила совсем не гладко, а, скорее, в режиме борьбы и сопротивления. В итоге процесс развития раннесоветской науки привел к формированию барьеров, которые и сегодня продолжают разделять отечественное и мировое научное сообщество.

В силу этих предпосылок возрастание значения научной периодики, которое произошло уже в XXI в., в истории российской науки было поворотом огромного масштаба. Впервые за многие десятилетия стал меняться сам научный ландшафт, когда традиционные центры производства знания – факультеты и кафедры – уступили приоритетное положение научным журналам. Однако это породило новые проблемы, которые также рассмотрим на примере музыковедения.

В советские времена музыковедческий журнал был всего один – «Советская музыка» (в 1993 г. переименован в «Музыкальную академию»). Это издание появилось в 1933 г. как орган Союза советских композиторов, сменив выходявшие в 1920-е гг. десятки разнообразных музыкальных журналов.

«Советская музыка» оставалась единственным журналом до 1957 г., когда возник еще один журнал – «Музыкальная жизнь». Оба журнала не были вполне научными: в них печатались обзоры концертной жизни в столице и регионах, отчеты о творческой деятельности Союза композиторов и т.д. Научные материалы публиковались в рубрике «Исследования», то есть занимали ограниченную часть общего объема издания. Массово научные журналы стали возникать только после 1991 г.; их стремилась иметь каждая консерватория. То есть колыбелью новой научной периодики стали высшие учебные заведения. Это генетическое родство в журналах музыковедческой направленности до сих пор в значительной степени определяет их концепцию и структуру.

Первой реакцией на преобразование пространства научной периодики был, конечно, подъем энтузиазма: появилась возможность печататься, что, в свою очередь, стимулировало подготовку диссертаций, тем более это совпало с повсеместным открытием при музыкальных вузах диссертационных советов.

Эти два процесса – увеличение количества журналов и открытие диссоветов – как-то сразу связались воедино, особенно с введением перечня журналов, в которых должны публиковаться результаты диссертационных исследований (да-

лее – Перечень ВАК). Данное обстоятельство оказало заметное влияние на содержание журналов, которые в значительной степени стали площадкой для публикации статей аспирантов и соискателей. Сыграл свою роль и культ молодости, повсеместно внедряемый в практику научных исследований, когда и крупные отраслевые конкурсы, и научные гранты, и стажировки стали ориентироваться преимущественно на исследователей студенческого и аспирантского возраста.

Сначала, как мы помним, журналы устремились в заветный Перечень ВАК. В результате в него попали практически все желающие – все, кто в той или иной степени соглашался соблюдать установленные требования. В музыковедении такая неизбирательность привела к заметному проседанию репутации журнальных публикаций, потому что по-настоящему интересные и качественные материалы производились не в периодических изданиях, а в монографиях и солидных научных сборниках. Проявились и некоторые негативные тенденции. Многие аспиранты, не успевая подготовить нужное количество оригинальных статей, перелицовывали один и тот же материал под разными названиями.

Наметившееся движение в сторону международной публикационной активности, безусловно, следует признать важнейшей вехой в развитии отечественных академических практик. С одной стороны, это не позволило одномоментно преодолеть все застойные явления современной науки, с другой – исследователям все же пришлось отказаться и от практики вторичных публикаций, и от привычки ориентироваться на устаревшие источники или игнорировать данные зарубежной научной периодики. Это поворот большого значения, который должен оказать свое благотворное влияние на воспитание молодого поколения исследователей.

Именно в журналах международного уровня стали обозначаться главные точки соприкосновения отечественного музыковедения и мировой науки. Правда, пока они располагаются почти исключительно в области музыкального славяноведения и русистики. Здесь наблюдается наибольшее число цитирований, включений в библиографические обзоры, рецензирование книжных новинок и т.д. Но происходит это не только по причине нелояльности национальных научных сообществ к «иноземным» исследованиям собственной культуры. Русское музыковедение по разным причинам и само не слишком торопится включиться в зарубежную научную повестку. Эта инертность также преодолевается в журналах международного уровня, которые все чаще становятся зоной экспериментальных дис-

куссий. Вопросы, выходящие за рамки традиционных кафедральных исследований, стали востребованным предметом изучения в международных научных журналах. На их страницах находят место темы, волнующие музыковедов всего мира, такие как возрождение забытого, цензура в музыке, запрещенная музыка, музыка и власть и музыка как инструмент власти, музыка андеграунда и многое другое, что раньше в исследованиях отечественных музыковедов практически не рассматривалось.

Поворот к международным научным стандартам

Руководство Российской академии музыки имени Гнесиных (РАМ им. Гнесиных) некоторое время назад приняло решение встать во главе этого процесса. Многочисленные научные конференции, почти всегда проходившие при поддержке грантов РФФИ и собиравшие сотни участников из зарубежных стран, показали готовность ученых из университетов стран Западной Европы и Азии участвовать в российской научной жизни и публиковаться в отечественных журналах. Это стало одной из главных предпосылок, обусловивших движение гнесинской периодики в сторону международных научных стандартов.

Сегодня РАМ им. Гнесиных представляет два высокорейтинговых научных издания, индексируемых в ведущих международных наукометрических базах данных (МНБД):

– *Russian Musicology* (бывш. «Проблемы музыкальной науки» / *Music Scholarship*), представленный в МНБД Web of Science Core Collection (WoS CC, ESCI);

– «Современные проблемы музыкознания» / *Contemporary Musicology*, индексируемый в МНБД Scopus.

Журнал «Проблемы музыкальной науки» / *Music Scholarship* занял лидирующую позицию среди российских изданий по искусствоведению в WoS CC (ESCI). Его статус рассчитан на основе цитируемости статей, опубликованных журналом за последние три года. Первое место в рейтинге свидетельствует о значимом вкладе журнала в развитие музыкальной науки и высоком международном признании публикуемых исследований⁵. В настоящее время в WoS CC произошло переименование журнала на *Russian Musicology*. В связи с этим изменением в системе производится обновление данных и не отображается рейтинг издания.

Журнал «Современные проблемы музыкознания» / *Contemporary Musicology*, включенный

⁵ Master Journal List. Clarivate. Available from: <https://mjl.clarivate.com/search-results> (accessed: 11.05.2025).

в Scopus в октябре 2024 г., продемонстрировал высокий научный потенциал, получив второй квартиль (Q2) в категории Music по рейтингу SCImago Journal & Country Rank за 2024 г.⁶ Особенно примечательно, что журнал смог достичь такого высокого уровня признания в первый же год после индексации в Scopus.

Оба издания РАМ им. Гнесиных способствуют продвижению российских исследований в области музыкального искусства на международной арене и укреплению позиций российской музыкальной науки в мировом академическом пространстве. Растет число авторов из всех российских консерваторий, и можно сказать, что в этих журналах стали печататься многие новаторские научные материалы. Именно издания международного уровня медленно, но неуклонно становятся местами производства экспериментального знания, стимулируя оригинальные исследования задолго до появления монографий.

Все это внушает надежду, что в скором времени мы будем наблюдать формирование новых академических репутаций в журналах международного уровня, а не в «вузовских» изданиях. Безусловно, мы всегда будем любить консерватории и университеты как мир нашей молодости, стремясь, однако, переориентировать сегодняшних молодых исследователей в сторону мировой научной коммуникации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наметившиеся тенденции в области издания международной научной периодики, имеющие для музыковедения абсолютно беспрецедентный

характер, позволяют осторожно предположить, что мы вступаем в новый этап развития науки. Музыковеды, традиционно (и небезосновательно) гордившиеся своими достижениями в области музыкально-теоретических и музыкально-исторических исследований, до недавних пор достаточно снисходительно взирали на усилия коллег-гуманитариев, раньше других осознавших необходимость вхождения в мировое научное сообщество и сделавших на этом пути заметные успехи. И даже сейчас требования к международным журналам остаются предметом дискуссий с точки зрения их соответствия сложившимся традициям российского музыковедения («слова о музыке»). Однако подобные споры не новы. Точно так же они возникали и в начале диссертационной деятельности, и при освоении новой практики работы по грантам. Их природа примерно одинакова и восходит к давнему убеждению об особом характере музыковедения, его непохожести на другие науки. Спустя время неизменно оказывалось, что наука о музыке обладает большим запасом гибкости и адаптивности, лидируя в группе смежных наук и по количеству исследований, и по новаторству методов и подходов.

Нынешний разворот в сторону развития международных научных журналов еще раз подтверждает тезис о том, что музыковедческие издания вполне могут положить начало переформатированию российского искусствознания в целом. Консерваторская природа науки способна и в этом процессе сыграть ведущую роль: объединение усилий авторитетного вуза-флагмана и редакций научных журналов актуализирует новые академические стандарты, следование которым станет одним из непереносимых условий научной конкурентоспособности.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

CONFLICT OF INTERESTS

The author declares no relevant conflict of interests.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Naumenko T.I. The academic activities of the Gnesins' State Musical-Pedagogical Institute during the first ten years of its work. *Проблемы музыкальной науки / Music Scholarship*. 2024;(1):24–36. <https://doi.org/10.56620/2782-3598.2024.1.024-036>
2. Degtyareva N.I. The chief directions of scholarly activity of the St. Petersburg Conservatory. *Russian Musicology*. 2024;(3):48–61. <https://doi.org/10.56620/RM.2024.3.048-061>
3. Savvina L.V. The scholarly activities of the Astrakhan State Conservatory. *Russian Musicology*. 2024;(3):62–72. <https://doi.org/10.56620/RM.2024.3.062-072>
4. Пантелеева Ю.Н. Современная музыка в научном отражении (по материалам российских искусствоведческих журналов). *Современные проблемы музыкознания*. 2025;9(1):180–208. <https://doi.org/10.56620/2587-9731-2025-1-180-208>

5. Сусидко И.П., Луцкер П.В., Пилипенко Н.В. Опера в зеркале российской научной периодики последних пяти лет. *Проблемы музыкальной науки / Music Scholarship*. 2023;(4):142–164. <https://doi.org/10.56620/2782-3598.2023.4.142-164>
6. Курносова С. Судьба русской музыки на Западе. Интервью с музыковедом Ильдаром Ханнановым. *Musicus*. 2017;(1):37–42.
7. Кисеев В.Ю., Кисеева Е.В. Особенности осмысления понятий «перформативность», «перформанс» в современной отечественной и зарубежной науке. *Проблемы музыкальной науки / Music Scholarship*. 2021;(3):52–62. <https://doi.org/10.33779/2587-6341.2021.3.052-062>
8. Derunets E.S. Musical terminology in 19th Century Russian tutorial translated editions. *Russian Musicology*. 2024;(4):101–109. <https://doi.org/10.56620/RM.2024.4.101-109>
9. Науменко Т.И. Советское музыкознание: pro et contra. Работа над архивными материалами советской эпохи. *Проблемы музыкальной науки / Music Scholarship*. 2022;(4):22–37. <https://doi.org/10.56620/2782-3598.2022.4.022-037>
10. Науменко Т.И. «Научная карта России» как исследовательский проект: опыт систематизации музыкознания. *Современные проблемы музыкознания / Contemporary Musicology*. 2023;(1):56–71. <https://doi.org/10.56620/2587-9731-2023-1-056-071>

REFERENCES

1. Naumenko T.I. The Academic activities of the Gnesins' State Musical-Pedagogical Institute during the first ten years of its work. *Music Scholarship*. 2024;(1):24–36. <https://doi.org/10.56620/2782-3598.2024.1.024-036>
2. Degtyareva N.I. The chief directions of scholarly activity of the St. Petersburg Conservatory. *Russian Musicology*. 2024;(3):48–61. <https://doi.org/10.56620/RM.2024.3.048-061>
3. Savvina L.V. The scholarly activities of the Astrakhan State Conservatory. *Russian Musicology*. 2024;(3):62–72. <https://doi.org/10.56620/RM.2024.3.062-072>
4. Panteleeva Yu.N. Contemporary music as reflected in scholarly texts: An analysis of Russian art history journals. *Contemporary Musicology*. 2025;9(1):180–208. (In Russ.). <https://doi.org/10.56620/2587-9731-2025-1-180-208>
5. Susidko I.P., Lutsker P.V., Pilipenko N.V. Opera as reflected in Russian academic periodicals of the last five years. *Music Scholarship*. 2023;(4):142–164. (In Russ.). <https://doi.org/10.56620/2782-3598.2023.4.142-164>
6. Kurnosova S. The fate of Russian music in the West. The interview with musicologist Ildar Khannanov. *Musicus*. 2017;(1):37–42. (In Russ.).
7. Kiseyev V. Yu., Kiseyeva E. V. The particularities of comprehending the concepts of “performativity” and “performance” in contemporary music scholarship in Russia and other countries. *Music Scholarship*. 2021;(3):52–62. (In Russ.). <https://doi.org/10.33779/2587-6341.2021.3.052-062>
8. Derunets E.S. Musical terminology in 19th Century Russian tutorial translated editions. *Russian Musicology*. 2024;(4):101–109. <https://doi.org/10.56620/RM.2024.4.101-109>
9. Naumenko T.I. Soviet musicology: pro et contra. Work on archival materials from the Soviet era. *Music Scholarship*. 2022;(4):22–37. (In Russ.). <https://doi.org/10.56620/2782-3598.2022.4.022-037>
10. Naumenko T.I. The “Scholarly Map of Russia” as a research project: An attempt of systematization of musicology. *Contemporary Musicology*. 2023;(1):56–71. (In Russ.). <https://doi.org/10.56620/2587-9731-2023-1-056-071>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Татьяна Ивановна Науменко, доктор искусствоведения, профессор, проректор по научной работе, заведующая кафедрой теории музыки, Российская академия музыки имени Гнесиных, г. Москва, Российская Федерация; <https://orcid.org/0000-0002-0286-2339>; e-mail: t.naumenko@gnesin-academy.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatiana I. Naumenko, Dr. Sci. (Arts), Vice-Rector for Research, Professor, Head at the Music Theory Department, Gnesin Russian Academy of Music, Moscow, Russian Federation; <https://orcid.org/0000-0002-0286-2339>; e-mail: t.naumenko@gnesin-academy.ru

Поступила в редакцию / Received 09.06.2025

Поступила после рецензирования / Revised 14.07.2025

Принята к публикации / Accepted 20.07.2025